

УДК 316.4
DOI 10.18522/2227-8656.2021.2.3

Тип статьи в журнале – научная

**ВОСПРОИЗВОДСТВО
И ТРАНСФОРМАЦИЯ
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ
СИСТЕМЫ: ПОДХОДЫ
К ИССЛЕДОВАНИЮ**

**REPRODUCTION
AND TRANSFORMATION
OF THE INSTITUTIONAL
SYSTEM: RESEARCH
APPROACHES**

© 2021 г.

V. G. Gromakova *

© 2021

V. G. Gromakova *

* Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

* Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

Целью исследования стал поиск теоретико-методологического подхода к изучению потенциально возможных вариантов завершения переходного периода.

Objective of the study was to find a theoretical and methodological approach to the study of potentially possible options for completing the transition period.

Методологическая база исследования. В основу теоретических изысканий были положены представления о фрактальных свойствах социальных систем, а также о взаимосвязи социальных институтов с социальными практиками. Заданное таким образом направление поиска определило интерес к вопросам регуляции социального поведения.

The methodological basis of the research. The theoretical research was based on the ideas about the fractal properties of social systems, as well as on the relationship of social institutions with social practices. The search direction set in this way determined the interest in the regulation of social behavior.

Результаты исследования. В статье приводится краткий обзор концепций, рассматривающих социальное поведение через призму внутренних диспозиционных структур, которые, в свою очередь, формируются под влиянием социальной среды и прошлого опыта.

Research results. The article provides a brief overview of the concepts that consider social behavior through the prism of internal dispositional structures, which in turn are formed under the influence of the social environment and past experience.

Перспективы исследования определяются поведенческой установкой, с целью наиболее вероятного сценария завершения трансформационного процесса.

Prospects of the study are determined by the behavioral attitude, with the aim of the most likely scenario for the completion of the transformational process.

Ключевые слова: социальная трансформация; социальный институт; фрактал; социальное поведение; диспозиция; ментальная программа; габитус.

Keywords: social transformation; social institution; fractal; social behavior; disposition; mental program; habitus.

Введение

Затянувшийся период социальной трансформации на постсоциалистическом пространстве, в том числе в России, стал причиной повышенного интереса исследователей к данной проблемной области. Появляется все больше работ, в которых современное состояние российского социума оценивается как неблагоприятное. Сложившееся положение описывается в терминах «естественного государства» и рентных отношений, делаются заключения об архаизации социальных, прежде всего социально-политических, практик (Ситников, 2021), акцентируется внимание на распространении «подрывных» социальных институтов, закрепляющих деструктивные формы социального поведения (Гельман, 2010), на явлениях кентавризма и антиномии (Тощенко, 2010). Причины кризиса авторы видят в культурно-историческом прошлом страны и стратегических просчетах в управлении трансформационным процессом (Заславская, 2008). Что касается прогнозов на будущее, то их можно поделить на пессимистические и оптимистические. Пессимисты полагают, что общество, попавшее в ловушку «подрывных» институтов, самостоятельно выйти из нее неспособно и, соответственно, обречено пребывать в таком патологическом состоянии бесконечно долго (Гельман, 2010). Оптимисты считают наблюдаемые негативные тенденции временными. Перспективы преодоления кризиса одни исследователи связывают с интеграцией в систему международных экономических, политических и социокультурных отношений, основанных на ценностях и принципах либеральной демократии и рынка (Подопригора, 2019), другие рассчитывают на внутренние ресурсы российского общества, подчеркивая значимость существующих социальных институтов и необходимость опоры на них в процессе управления трансформацией (Оберемко, 2005).

Второй путь представляется более надежным, поскольку практически не изменяющиеся в ходе мировой истории геополитические принципы, в соответствии с которыми конечная цель любого государства заключается в расширении собственных сфер влияния за счет ослабления конкурентов, положение России на международной арене, а также последствия предпринятых не так давно попыток копирования образцов западноевропейской демократии и вхождения в мировую экономическую систему на условиях открытого рынка, которые, собственно, и породили системный кризис, иллюзий не оставляют. Что касается оценки перспектив преодоления ловушек трансформации собственными силами, то таковая невозможна без четкого видения социальных процессов, лежащих в основе воспроизводства и развития институциональной си-

стемы. В данной статье будет предпринята попытка теоретического анализа данной проблемы.

Фрактальные свойства общества как факторы социальных изменений

Общества как устойчивые самовоспроизводящиеся социальные системы обнаруживают свойства фракталов. Так, еще у К. Маркса находим: «...если человек есть некоторый особенный индивид и именно его особенность делает из него индивида... то он в такой же мере есть также и тотальность, идеальная тотальность, субъективное для-себя-бытие мыслимого и ощущаемого общества» (Маркс, 1956). Также, согласно Т. Парсонсу, личность в структуре социального действия представлена дважды: как подсистема, выполняющая функцию целеполагания, и как часть социальной подсистемы, задающей совокупность норм, правил и моделей поведения, соответствующих статусно-ролевым позициям взаимодействующих субъектов, и таким образом обеспечивающая координацию их социальной активности (Парсонс, 2000). Следовательно, личность, являясь элементом надиндивидуальных социальных систем, одновременно в каждом своем действии воспроизводит некоторые их стороны, можно сказать, отражает социальную систему с определенного ракурса, соответствующего ее статусно-ролевой позиции.

Важным свойством общества является упорядоченность принятых норм в структуре действующих социальных институтов. Потенциально поведение человека, наделенного разумом, волей и способностью к творчеству, предполагает огромное множество вариантов. Социальные институты осуществляют редукцию его комплексности, делая взаимодействия предсказуемыми, что создает основу для целенаправленной активности и развития. При этом социальные институты не существуют вне социальных практик, представляющих собой актуализацию и подтверждение институционализированных норм и правил. Однако поведение социальных агентов не является жестко детерминированным. В каждом конкретном случае человек на основе субъективной интерпретации ситуации с разной степенью осознанности производит выбор некой модели поведения из комплекса альтернативных вариантов, сконструированных на основе прошлого социального опыта, или может «изобрести» инновационный образец и апробировать его на практике, с тем чтобы в зависимости от полученного результата либо отвергнуть как неэффективный, либо использовать в дальнейшем при повторении сходных условий. Наиболее эффективные инновации имеют тенденцию к распространению и закреплению на уровне социальных институтов, обуславливая возможность трансформации последних.

Тем не менее нельзя не заметить, что в повседневной жизни люди гораздо чаще используют готовые шаблоны, нежели занимаются социальным творчеством, поскольку каждая попытка инновации несет в себе потенциальные риски, связанные с неопределенностью отклика социальной системы. Деятельность социальных агентов, направленная на изменение действующих шаблонов, почти всегда предполагает дополнительные издержки (затрата времени, активизация физических, интеллектуальных, коммуникативных резервов) – определяемые как трансформационные издержки, которые тем больше, чем крупнее социальная система – и при этом не гарантирует желаемого результата.

Ситуация изменяется, когда общество оказывается в состоянии аномии. Отказ привычной нормативной системы вынуждает людей к активному поиску новых моделей поведения, который тем не менее также происходит в определенных рамках. Во-первых, даже инновационные модели социального поведения ограничены пространством мыслимого, которое опять-таки связано с прошлым опытом субъекта. Личность, являющаяся частью социальной системы, по принципу фрактала подобная ей, не может обрести полную автономность восприятия, целеполагания и действия. Во-вторых, для институционализации новой формы социальных отношений недостаточно действий одного агента (допустим, социализированного в иной социокультурной среде), необходимо, чтобы предлагаемая модель была воспринята достаточно широкой социальной общностью, а для этого она должна быть хотя бы в некоторой степени конгруэнтна ранее знакомым практикам. Таким образом, даже из состояния аномии общество неспособно перейти к радикально новой системе социальных отношений. Данный вывод согласуется с положениями концепции институциональных матриц, согласно которой базовые социальные институты практически не подвержены изменениям, даже на протяжении веков (Кирдина, 2014). Тем более обречены на провал попытки ничем не опосредованного копирования формальных социальных институтов общества, имевшего совершенно другой путь культурно-исторического развития.

Экстремальные условия, обусловленные внезапным крахом институциональной системы в результате неудачного трансформационного эксперимента, выводят на передний план жизни общества деструктивные социальные практики, которые до этого в значительной степени латентно существовали на его задворках, но за время кризиса развились до состояния дисфункционального неформального социального института – «институциональной ловушки» (Полтерович, 1999). Для российского общества такой ловушкой стала укоренившаяся во всех сферах корруп-

ция (Мартьянов, 2016; Ильченко, 2014). Характерные для ловушек схемы взаимодействия позволяют социальным агентам хотя бы в минимальной мере адаптироваться к условиям трансформационной нестабильности, повышая вероятность исполнения участниками трансакций формальных или неформальных договорных обязательств. Однако это, безусловно, пример дисфункциональной адаптации, препятствующей прогрессивному развитию общества в дальнейшем. Искоренение же «институциональных ловушек» представляет собой трудноразрешимую проблему, поскольку для борьбы с ними привлекаются силы той же, пораженной патологией, социальной системы, не говоря уже о значительных трансформационных издержках.

В связи с вышесказанным вопрос о том, насколько и при каких условиях возможно благоприятное завершение институциональной трансформации в России, пока остается открытым. Ответ на него определяется диапазоном вероятных изменений социальных практик. Соответственно, актуальным является исследование вариативности моделей социального поведения, результаты которого позволили бы осуществить поисковый и нормативный прогноз преодоления трансформационного кризиса. Далее будут рассмотрены теоретико-методологические подходы, которые могут быть положены в основу подобного исследования.

Теоретико-методологические подходы к прогнозированию социального поведения как фактора институциональной трансформации

Под социальным поведением в данной статье имеется в виду совокупность реакций человека на социальную ситуацию в виде определенных социальных действий (Ментальные программы ... , 2016. С. 12). А под прогнозированием социального поведения вслед за В.А. Ядовым мы будем понимать «анализ типических проявлений активности больших социальных общностей» (Саморегуляция и прогнозирование ... , 2013). Как правило, прогноз социального поведения представляет собой попытку предсказания поведенческих реакций в ответ на определенную ситуацию путем установления специфики восприятия, оценивания и готовности действовать определенным образом, т. е. диспозиций. В литературе встречаются также термины «установка» и «аттитюд», которые в данной работе будут использоваться как синонимы «диспозиции».

Необходимо отметить, что исследователи, занимавшиеся вопросами регуляции и прогнозирования социального поведения, рассматривали установки как иерархически упорядоченные структуры. Так, В.А. Ядов, занимаясь изучением поведения советских инженеров, выделял четыре

уровня регуляции от низшего к высшему: элементарные фиксированные установки, формирующиеся на основе потребностей физического существования; социальные установки, актуализируемые в конкретных ситуациях; система ценностных ориентаций; общая направленность интересов личности. Кроме того, не исключалась возможность существования еще более высокого уровня регуляции – «концепции жизни». В работе подчеркивалось, что личностные диспозиции составляют целостные системы как на каждом иерархическом уровне, так и по вертикали, причем высшие уровни регуляции оказывают упорядочивающее действие на низшие. При этом утверждалось, что «на всех уровнях поведение личности регулируется ее диспозиционной системой, однако в каждой конкретной ситуации и в зависимости от цели ведущая роль принадлежит определенному уровню диспозиций или даже конкретному диспозиционному образованию». Соответственно, было выделено несколько поведенческих уровней в зависимости от удаленности результатов во времени: реакции на определенные предметные ситуации; поступки или привычные действия; поведенческие программы и «жизненные планы» (Саморегуляция и прогнозирование ... , 2013).

Обращаясь к результатам исследования В.А. Ядова с точки зрения процесса институциональной трансформации, следует отметить, что в данном случае интерес в первую очередь представляют два верхних уровня диспозиционной структуры. Кроме того, представляется целесообразным рассмотреть вопрос о существовании установок еще одного уровня, например связанных с культурно-архетипическими образцами и базовыми социальными институтами.

В дальнейшем представления о диспозиционной структуре личности развивались в работах современных социологов и были объединены ими в таких концептах, как габитус (Бурдьё, 2001) и ментальные программы (Hofstede, 2011). Так, габитус у П. Бурдьё – это устойчивая «система диспозиций восприятия, оценивания и действия», представляющих собой «предрасположенности... или осознанные готовности к... поведению, обусловленному предшествующим опытом» (Шматко, 1998; Bourdieu, 1970). Данное определение практически полностью созвучно методологическим подходам к изучению социального поведения у российских ученых (Саморегуляция и прогнозирование ... , 2013). При этом П. Бурдьё дополняет представления о динамических свойствах внутренних регуляторов социального поведения тем, что компоненты габитуса иерархизированы в хронологическом порядке. Так, внутренние уровни, сформированные под влиянием прошлых социальных практик, определяют способ упорядочивания внешних уровней, образующихся под влиянием

янием и для адаптации к текущей ситуации. Чем глубже располагается определенный компонент габитуса, тем в меньшей степени он рефлексивируется социальным актором и подвергается изменениям. По мнению автора статьи, есть основания предполагать, что именно с глубинными структурами габитуса связана национальная специфика социальных институтов, а кумулятивность габитуса сопряжена с возможностями институциональной трансформации.

Ментальные программы в концепции Дж. Ховстеде определяются как комплексы рефлексивных (лично-сконструированных) и нереплексивных (культурно-архетипических) представлений, ценностей и образцов действия (Hofstede, 2011). Рефлексируемые конструкты обозначаются исследователями как мнения, нереплексивируемые – как верования (Ментальные программы ... , 2016). Присутствие в ментальной программе трех основных блоков перекликается с трехкомпонентной структурой аттитюда (Smith, 1947), в котором также выделяли когнитивный и конативный элементы. Третьим же назывался не аксиологический, а эмотивный, что тем не менее очевидное содержательное сходство оставляет возможность рассматривать ментальные программы как комплексы устойчивых диспозиций, определяющих образ действий человека в конкретных ситуациях.

Подводя промежуточный итог представленному выше короткому и далеко не полному обзору, можно отметить, что внимание исследователей, изучающих социальное поведение, сосредоточено на диспозиционных системах, что неудивительно, поскольку данный подход не только позволяет констатировать некоторые факты, но и приближает к пониманию механизмов регуляции социального поведения и его прогнозированию. Последнее представляется особенно важным с точки зрения исследования перспектив социальной трансформации.

Однако нельзя не обратить внимание на проблему соответствия между выявляемыми в ходе исследований диспозициями и реальным поведением, получившую название парадокса Лапьера (La Piere, 1967), заключающегося в том, что люди нередко поступают прямо противоположным образом по сравнению с вербально выраженными намерениями и склонностями (De Fleur, 1958). В качестве объяснений данного парадокса приводятся следующие возможные причины, которые необходимо учитывать при организации исследования социального поведения:

– не все диспозиции являются рефлексивными, часть из них не осознаются и, соответственно, могут быть не выявлены посредством прямых вопросов;

– осознанные диспозиции реализуются не в каждой условно подходящей для этого ситуации, поскольку одновременно могут действовать несколько установок, конкурирующих друг с другом;

– не все установки человек готов раскрывать исследователю, так как часть из них могут быть связаны с общественно порицаемыми формами поведения;

– существует феномен дремлющей диспозиции (Жуков, 1976), который, вероятно, связан с тем, что актуализация установки и возникновение реальной готовности к действию происходят при наличии двух условий: потребности и возможности ее удовлетворения.

Принимая во внимание перечисленные выше риски, связанные с прогнозированием социального поведения на основании эмпирически выявленных диспозиций, тем не менее хочется отметить перспективность использования данного подхода в исследованиях проблематики институциональных трансформаций, а также еще раз обратиться к мнению В.А. Ядова, считавшего, что надежность предсказания поведения повышается при наличии «данных о структурных состояниях диспозиционной системы, и прежде всего о направленности интересов личности, уровне ее вовлеченности в деятельность, относящуюся к прогнозируемой области поведения».

Заключение

Изменения в социальных институтах как центральное звено социальной трансформации могут быть инициированы сверху, со стороны правительства. Однако воспроизводство институциональной системы осуществляется в социальных практиках, и поэтому результаты трансформационного процесса в конечном итоге определяются поведением социальных агентов и закрепляются в виде принятых ими форм социальной жизни. При этом активность социальных субъектов определяется не только текущей ситуацией, но и прошлым жизненным опытом, характером усвоенных жизненных ценностей, норм, правил и образцов поведения, т. е. предшествовавшим состоянием социальных институтов, запечатленным в диспозиционных структурах личности, связанных с регуляцией социального поведения. Другими словами, в организации и функционировании общества просматриваются черты фрактала. Макросоциальные структуры с некоторой степенью комплексности представлены в ментальных конструктах субъектов социального действия. В то же время их динамика непосредственно связана с характером социальных процессов на микроуровне. Соответственно, изучение распространенных в трансформирующемся социуме поведенческих установок спо-

собно пролить свет на перспективы и наиболее вероятный сценарий его стабилизации в будущем. Однако результаты подобного исследования будут надежными только при условии учета сложной иерархической структуры диспозиционных систем и обеспечении достаточной степени комплексности получаемых данных.

Литература

Бурдьё П. Практический смысл / под ред. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.

Гельман В. «Подрывные» институты и неформальное управление в современной России // Пути модернизации: траектории, развилки и тупики: сб. ст. / под ред. В. Гельмана и О. Маргания. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2010. 408 с.

Жуков Ю.М. Ценности как детерминанты принятия решения. Социально-психологический подход к проблеме // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976. С. 255–276.

Заславская Т.И., Ядов В.А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социологический журнал. 2008. № 4. С. 8–22.

Ильченко М.С. Коррупция как фактор воспроизводства трансформирующейся политической системы // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: сб. науч. тр. по итогам Всерос. науч. конф. / под ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург: УрО РАН, 2014. С. 86–93.

Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. 3-е изд., перераб., расшир. и илл. СПб.: Нестор-История, 2014. 468 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 590–591.

Мартьянов В.С. Коррупция и сословно-статусная рента в России // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: сб.

References

Bourdieu, P. (2001). Practical meaning. N.A. Shmatko (Ed.). St. Petersburg: Aleteia. (in Russian).

Gelman, V. (2010). «Subversive» institutions and informal management in modern Russia. *Ways of modernization: trajectories, forks and dead ends: Collection of articles*. V. Gelman and O. Marganiya (Eds.). Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (in Russian).

Zhukov, Yu. M. (1976). Values as determinants of decision-making. Socio-psychological approach to the problem. *Psikhologicheskiye problemy sotsial'noy regulyatsii povedeniya*. M., 255-276. (in Russian).

Zaslavskaya, T. I., Yadov, V. A. (2008). Social transformations in Russia in the era of global changes. *Sotsiologicheskiy zhurnal*, 4, 8-22. (in Russian).

Ilchenko, M. S. (2014). Corruption as a factor of reproduction of the transforming political system. *Relevant problems of scientific support of the state policy of the Russian Federation in the field of combating corruption: collection of scientific works according to the results of the All-Russian Scientific Conference*. V.N. Rudenko (Ed.). Yekaterinburg: UrO RAN, 86-93. (in Russian).

Kirdina, S. G. (1956). Institutional matrices and the development of Russia: introduction to X-Y-theory. 3rd edition, revised, expanded and illustrated. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (in Russian).

Marx, K., Engels, F. (1956). From early works. M., 590-591. (in Russian).

Martianov, V.S. (2016). Corruption and estate-status rent in Russia. *Relevant problems of scientific support of the state policy of the Russian Federation in the field of combating corruption: collection of tr. according to the results of*

тр. по итогам Второй Всерос. науч. конф. с междунар. участием / под ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург: УрО РАН, 2016. С. 31–49.

Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе / под ред. А.В. Лубского. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2016. 392 с.

Оберемко О.А., Ядов В.А. Общетеоретические подходы к анализу социального развития и социальных изменений // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ / под ред. В.А. Ядова. М.: Флинта, 2005. С. 10–44.

Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000. 880 с.

Подопригора А.В. Эволюция голема: институт российской коррупции в условиях цифрового общества // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции : сб. тр. по итогам Третьей Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Екатеринбург: Ин-т философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 2019. С. 279–306.

Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35, № 2. С. 1–37.

Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. 2-е расшир. изд. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с.

Ситников А.П. Архаизация, традиционализация и модернизация в социокультурной трансформации российского общества // Гуманитарий Юга России. 2021. Т. 10, № 1. С. 44–51.

Тощенко Ж.Т. Антиномия – новая характеристика общественного сознания в современной России // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 63–72.

Шматко Н.А. «Габитус» в структуре социологической теории // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 2. С. 60–70.

Bourdieu P. La Reproduction, éléments pour une théorie du système d'enseignement. P.: Minuit, 1970. 283 p.

the Second All-Russian Scientific conference with international participation. V.N. Rudenko (Ed.). Yekaterinburg: UrO RAN, 31-49. (in Russian).

Mental programs and models of social behavior in Russian society. (2016). A.V. Lubsky (Ed.). Rostov n/D.: Fond nauki i obrazovaniya. (in Russian).

Oberemko, O.A., Yadov, V.A. (2005). General theoretical approaches to the analysis of social development and social changes. *Sotsial'nyye transformatsii v Rossii: teorii, praktiki, sravnitel'nyy analiz*. V.A. Yadov (Ed.). Moscow: Flinta, 10-44. (in Russian).

Parsons, T. (2000). On the structure of social action. Moscow: Akademicheskii proyekt. (in Russian).

Podoprigora, A.V. (2019). Evolution of the Golem: the Institute of Russian Corruption in the digital society. *Relevant problems of scientific support of the state policy of the Russian Federation in the field of anti-corruption: collection of tr. based on the results of the Third All-Russian Scientific Conference with international participation*. Yekaterinburg: In-t filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk, 279-306. (in Russian).

Polterovich, V.M. (1999). Institutional traps and economic reforms. *Ekonomika i matematicheskiye metody*, 35, 2, 1-37. (in Russian).

Self-regulation and forecasting of social behavior of the individual: A dispositional concept. (2013). 2nd extended ed. Moscow: TSS-PIM. (in Russian).

Sitnikov, A.P. (2021). Archaization, traditionalization and modernization in the socio-cultural transformation of Russian society. *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 10, 1, 44-51. (in Russian).

Toshchenko, Zh.T. (2010). Antinomy - a new characteristic of public consciousness in modern Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 12, 63-72. (in Russian).

Shmatko, N. A. (1998). «Habitus» in the structure of sociological theory. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, 1, 2, 60-70. (in Russian).

Bourdieu, P. (1970). La Reproduction, éléments pour une théorie du système d'enseignement. P.: Minuit.

De Fleur M.R., Westie F.R. Verbal attitudes and overtacts // *American Sociological Review*. 1958. Vol. 236.

Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context // *Online Readings in Psychology and Culture*. Unit 2. Theoretical and Methodological Issues. Subunit 1. Conceptual Issues in Psychology and Culture. 2011. P. 8. Available at: <http://scholarworks.gvsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1014&context=>

La Piere R.T. Attitudes versus action // *Attitude theory and measurement*. M. Fishbein. (Ed.). New York, 1967.

Smith M.B. The personal setting of public opinion // *Public Opinion Quarterly*. 1947. Vol. III. P. 517–523.

Для цитирования: Громакова В.Г. Воспроизводство и трансформация институциональной системы: подходы к исследованию // *Гуманитарий Юга России*. 2021.2 (48). С. 38–48.
DOI 10.18522/2227-8656.2021.2.3

De Fleur, M.R., Westie, F.R. (1958). Verbal attitudes and overtacts. *American Sociological Review*, 236.

Hofstede, G. (2011). Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. *Online Readings in Psychology and Culture*. Unit 2. Theoretical and Methodological Issues. Subunit 1. Conceptual Issues in Psychology and Culture, 8. Available at: [http://scholarworks.gvsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=](http://scholarworks.gvsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1014&context=)

La Piere, R.T. (1967). Attitudes versus action. *Attitude theory and measurement*. In M. Fishbein (Ed.). New York.

Smith, M.B. (1947). The personal setting of public opinion. *Public Opinion Quarterly*, III, 517-523.

История статьи:

Поступила в редакцию – 01.03.2021 г.

Получена в доработанном виде –

23.03.2021 г.

Одобрена – 02.04.2021 г.

Доступна – 30.04.2021 г.

Сведения об авторах

Громакова Виктория Георгиевна

Кандидат биологических наук, доцент
Института социологии и регионоведения
Южного федерального университета

344006, г. Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, 160,
e-mail: victoriagromakova@yandex.ru

Information about authors

Victoria Georgievna Gromakova

Candidate of Biological Sciences,
Associate Professor,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University

160 Pushkinskaya St.,
Rostov-on-Don, 344006,
e-mail: victoriagromakova@yandex.ru